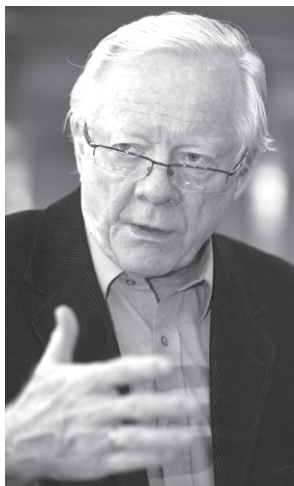

СОЦИОЛОГИЯ: ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ЙОРАНОМ ТЕРБОРНОМ*

— *Господин Терборн, расскажите, пожалуйста, где вы учились, что изучали? Собирались ли вы стать социологом в университете?*

— Я стал социологом, потому что мне казалось, что эта профессия дает наиболее научный путь исследования политики и социальных отношений — более научный, нежели политическая наука. До того, как я поступил в 1960 г. в университет Лунда (на юге Швеции), я никогда не слышал о социологии. Она не преподавалась в средней школе (и до сих пор не преподается), а институционализация социологии тогда лишь начиналась, даже на университетском уровне. Первую кафедру социологии в Упсале открыли в 1947 г., а в Лунде — спустя еще десять лет.

Меня с детства интересовали политические и социальные проблемы, в частности международная политика. Мои самые ранние воспоминания о политике — 1950 г., мне 9 лет, умирает Король, мы с отцом идем расклеивать предвыборные плакаты в поддержку Лиги Фермеров, и война в Корее, но не ее начало в июне, а скорее осень и американское контрвторжение в Корею. Позднее, в 1950-е гг., я следил за первой Вьетнамской войной между французами и вьетнамцами и за решающей вьетнамской победой в битве при Дьенбьенфу, а также за войной в Ал-

* Правильная транскрипция имени на русский язык — «Йоран», однако примерно в трети случаев можно встретить и написание «Горан Терборн». — *Прим. пер.*

жире между французами и алжирцами. Антиимпериализм стал моим первым твердым политическим убеждением и остается столь же твердым по сей день. Венгерское восстание 1956 г. и последовавшая советская интервенция против него также произвели на меня сильное впечатление.

Таким образом, я пришел в университет, чтобы изучать социальные науки, преимущественно политологию, но также и экономику. Там я узнал о существовании социологии, которая имела среди студентов самую разную репутацию. Решающим для меня оказалось то, что мой лучший друг стал изучать социологию и посчитал ее интересной. Я занялся социологией и так и остался с ней, потому что для меня социология в большей степени наука, чем политология, и она представляет намного более широкое поле для социальных исследований. У социолога не ограничены социальные горизонты исследований. Моя бакалаврская степень объединяла политическую науку, социологию и экономику, а последующие две степени — лицензиат по философии (сравним с современным Ph.D.) и доктор философии (соответствует немецкой хабилитации или французскому докторату) — были уже по социологии. Мой титул доктора в 1974 г. стал последней степенью такого типа, присвоенной в Швеции по социальным наукам, т. к. затем у нас была перенята американская система кредитов и учебных степеней.

— *Проходила ли какая-то часть вашей учебы за пределами Швеции?*

— Вся моя университетская учеба проходила в Лунде, в Швеции. В те годы студенческая учеба за рубежом не практиковалась, особенно среди студентов с моим происхождением — с сельской периферии. Я был первым студентом в нашей семье! Но «мои университеты» включали в себя ежегодное паломничество в Лондон, иногда включая Кембридж, и в Париж, начиная с 1960-х гг.

— *Какие книги оказали на вас в те годы и позже наиболее сильное влияние? Кого бы вы могли назвать своими «учителями» (если они были)? Каким теориям и парадигмам вы следовали в начале своей научной карьеры?*

— У меня никогда не было учителей, которые бы напрямую повлияли на меня. Большинство моих преподавателей были интеллектуально заурядными людьми, и я уважал только двух из них — учителя латинского языка в средней школе и профессора социологии в университете. Однако и их интересы в то время были мне не близки. Вдохновение пришло со стороны. Британский историк труда Эдвард Палмер Томпсон был одним из первых источников моего вдохновения, как и аналитик культуры Реймонд Уильямс, а затем историки Перри Андерсон и Эрик Хобсбаум. Антонио Грамши стал очень важен для меня, и я даже выучил итальянский язык, чтобы читать его «Тюремные тетради», которые

я приобрел в шеститомном издании Эйнауди*. Сартра я начал читать в средней школе, Лукача — немного позднее, в университете. В социологии я учился анализу по трудам Роберта Мертона, критике по Ч.Р. Миллсу, а теоретическим построениям — по раннему шедевру Талкота Парсонса «Структура социального действия». Из классики я читал, прежде всего, Маркса и «Экономику и общество» Макса Вебера, оба меня сильно впечатлили, но я чувствовал близость социально-политических взглядов с первым из них.

Мои теоретические взгляды сформировались в русле западного марксизма — инспирированной Марксом гуманистической традиции, идущей от Грамши и Лукача к Анри Лефевру и Сартру, твердо отстаиваемой и практикуемой Томпсоном, Андерсоном и журналом *New Left Review*. Социологию я рассматривал, прежде всего, как удобную базу для социальных исследований.

В конце 1960-х и в 1970-е гг. я находился под большим влиянием научного марксизма Луи Альтюссера и его главного нефилософского сторонника Никоса Пуланцаса. Научный марксизм привлекал меня ввиду моего уважения к науке и моего интереса к систематическому эмпирическому анализу, и в то же время он позволял мне сохранять твердую приверженность левым политическим убеждениям. В этом русле я опубликовал трилогию по марксистской теории, обращенной к эмпирическим социальным исследованиям: «Наука, класс и общество» (1976, слегка отредактированная версия моей докторской диссертации, защищенной в 1974 г.), «Что делает правящий класс, когда он правит?» (1978) и «Идеология власти и власть идеологии» (1980).

— *Вы сохранили свою приверженность марксизму и в дальнейших исследованиях?*

— Впоследствии мои взгляды стали более эклектичными. После публикации трилогии я черпал вдохновение в изучении новых теорий и новых исследовательских тем. Я имею в виду такие теории и темы, как:

— экономический и политический институционализм — для изучения государств всеобщего благосостояния, социальной политики и безработицы — см. напр. мою книгу «Почему некоторые народы безработны чаще, чем другие» (1986);

— теории действия и норм для установления связей между социологией и экономикой и теорией рационального выбора — см. статью «Назад к нормам: о сфере действия и динамике нормативного действия» в *Current Sociology* (2002);

* Имеется в виду Джулио Эйнауди — сын второго президента Италии, известный издатель, стоявший на антифашистских позициях. — *Прим. пер.*

— образование государства и государственное право — для изучения избирательного права и демократии — см. «Право голоса и четыре мировых пути к современности и через нее» (в книге «State Theory and State History» под ред. Р. Торстендаля, 1992);

— история искусств и науки для всеохватывающего анализа современности — см. статью «Сплетенные современности» (*European Journal of Social Theory*, 2003);

— семейное законодательство и демография — для понимания семьи — см. «Политика детства. Права детей в современную эпоху» (статья в книге «Families of Nations: Patterns of Public Policy in Western Democracies» под ред. Ф. Кастельса, 1993), а также книгу «Между полом и властью. Семья в мире, 1900–2000» (2004);

— наконец, теория и история архитектуры и культурная география — для моей текущей работы над книгой «Города власти».

— *А как сегодня вы относитесь к работам по социологии? Какие из них вам особенно интересны?*

— Большинство произведений социологического мейнстрима я рассматриваю как обязательное для себя чтение «по долгу службы». Это не означает, что я неуважительно отношусь к ним: сегодня в социологии трудится огромное количество видных ученых, и дистанция между нами — скорее в стиле и в интересах. Правила хорошего тона требуют, чтобы мы отдавали должное друг другу. Среди современных мне коллег по социологическому цеху (ныне живущих или уже умерших), у которых я многому научился, могу назвать следующих: Пьер Бурдьё, Мануэль Кастельс, Джеймс Коулмен, Госта Эспинг-Андерсен, Уильям Дж. Гуд, Джон Голдторп, Вальтер Корпи, Теда Скочпол (хотя она и была вынуждена уйти в политическую науку), Чарльз Тилли, Иммануил Валлерстайн и Эрик Олин Райт.

Здесь нет конкретной парадигмы, но прослеживается одна общая линия, объединенная историографией, общими ссылками. Эдвард Томпсон уже скончался, как и Чарльз Тили, — это были редкие образцы первоклассного историка и первоклассного социолога в одном лице. Однако я до сих пор увлечен работами Перри Андерсона и Эрика Хобсбаума, равно как и К.А. Бейли, Линды Колли, Нормы Ивенсон, Фелипе Фернандеза-Арместо, Марка Ферро, антрополога и историка Джека Гуди, Юргена Остерхаммеля и многих других. Великие историки одновременно являются и великими учеными, и великими писателями. Те немногие социологи, которые пишут хорошо, зачастую не слишком озабочены проблемой научной достоверности. Редкое исключение из правила здесь — Мануэль Кастельс.

— *Как бы вы характеризовали свое нынешнее отношение к марксизму и неомарксизму?*

— Я сохранил огромное уважение к Марксу как социальному ученому и интеллектуалу, преданному идее человеческой эмансипации силами самих эксплуатируемых и угнетенных, поэтому я все еще чувствую свою близость к марксизму как традиции. Но я не думаю, что «марксизм» является жизнеспособной идентичностью в XXI в. Маркса, безусловно, будут открывать заново, перечитывать, реинтерпретировать и отвергать в будущем — просто задумайтесь, например, о долголетию Конфуция и Платона, или Данте и Шекспира (не говоря уже о Будде, Иисусе и Мухаммеде), — но вряд ли Маркс станет объединяющей фигурой для больших коллективных идентичностей, каким он был в XX в. Эта тема легла в основу моей недавно вышедшей книги «От марксизма к постмарксизму?».

— *Расскажите, пожалуйста, о том, как складывалась ваша профессиональная карьера.*

— Мне «повезло» в том, что я не прошел на должность профессора в первых двух местах, на которые претендовал (в то время профессорская должность была редкостью и для ее получения необходимо было выиграть в конкурсе, а не просто получить повышение). В 1976 г. я победил в конкурсе на должность профессора в Университете Роскилле (Дания), однако господствовавшие местные левые не хотели, чтобы я занял этот пост, и были рады отказать мне в отсрочке назначения, которую я просил в связи с тем, что был в то время одиноким отцом. Я снова участвовал в конкурсе в 1980 г., на этот раз в Университете Лунда, и проиграл. Однако если бы я получил должность в 1976 г., то оказался бы в центре борьбы за власть и сомнительных научных стандартов, а если бы выиграл в 1980 г., то легко мог бы сделаться самодовольной звездой «сельского уровня», как только международная волна марксизма утихомирилась.

Вместо этого в 1980 г. меня пригласили участвовать в конкурсе на замещение должности заведующего кафедрой политических наук в Католическом университете Неймегена (Нидерланды), где я победил. Это было новым испытанием: другая дисциплина, другая страна, новая интеллектуальная и политическая среда. Очень стимулирующие, плодотворные времена, усиленные тем счастливым обстоятельством, что вокруг меня собралась группа блестящих аспирантов, которые стали и личными друзьями. В этой среде я занялся сравнительными исследованиями публичной политики и установил личные контакты с новой группой выдающихся ученых, наиболее важными из которых были ныне покойный Арнольд Хайденхаймер и Фрэнк Каслс — последний пригласил меня в Австралийский национальный университет для совместной работы над книгой.

Я никогда не планировал навсегда уезжать из Швеции, поэтому, когда в 1987 г. освободилось место заведующего кафедрой в Гетебор-

ге, я подал на конкурс и выиграл. С точки зрения общения, кафедра социологии в Университете Гетеборга была очень приятным местом, однако я ощущал культурную дистанцию, которую я так никогда и не смог преодолеть и сделать плодотворной. В то время это была, пожалуй, наиболее локально ориентированная кафедра социологии в Швеции, в то время как я уже стал интеллектуалом-космополитом. Достаточно сказать, что, пока я работал в Гетеборге, я также преподавал в Маракайбо (Венесуэла), Тегеране, Буэнос-Айресе и Будапеште. В то же время в мои «шведские 1990-е» я участвовал в работе национального междисциплинарного исследовательского комитета по Европейским, а позже — по Глобальным исследованиям, а затем возглавил его.

С 1996 по 2006 гг. я был одним из сопредседателей Шведской Коллегии фундаментальных исследований по социальным наукам (SCAS) в Упсале. Это было потрясающее время: принимать у себя первоклассных ученых из разных стран мира, работающих в разных дисциплинах, начиная от логики и лингвистики до права, истории и социальных наук, общаться с ними, слушать их выступления. Я получил там весьма основательную подготовку по многим дисциплинам.

Затем совершенно неожиданно мне предложили принять участие в конкурсе на должность заведующего кафедрой социологии в Кембридже, и моя кандидатура была утверждена их «межконтинентальным комитетом». В Кембридже я провел замечательные годы.

С осени 2010 г. я официально вышел на пенсию, но все еще являюсь «членом университета», руковожу аспирантами и читаю несколько своих курсов о современности и глобальных трансформациях.

Жизнь и работа в Кембридже — это замечательный опыт! Повсюду можно ходить пешком, величественная архитектура колледжей, затейливые древние университетские традиции, вдохновляющие тени великих мыслителей — от Милтона и Ньютона до Кейнса, Витгенштейна, Джозефа Нидема и Стивена Хокинга, — а также прошедшие тщательный отбор блистательные и преданные науке студенты. Кафедра социологии в Кембридже — молодая и сравнительно небольшая (намного меньше, чем кафедра классических языков и литературы, например), — но отличается дружелюбием среди ее членов и ведет свою короткую родословную от блестящих предшественников — Энтони Гиденса и Брайана С. Тернера.

— *Ваша профессиональная карьера действительно впечатляет, тем более что вы не упомянули еще многих интересных и выдающихся эпизодов, свидетельствующих о глобальном признании ваших заслуг в социологическом сообществе. И все же разрешите спросить, какой момент своей карьеры вы сами считаете ее «пиком»?*

— Трудно однозначно ответить на такой вопрос. Возможно, пиком моей профессиональной карьеры можно считать недавнее трехдневное празднование присвоения мне звания почетного профессора Университета Хельсинки, с которым я был связан долгое время. Подобная церемония проходит раз в пять лет, и, насколько я знаю, является уникальной в современном мире, поскольку включает в себя награждение шпагой — ритуал был заимствован у российского дворянства в середине XIX в.

— *Как вам удается сочетать преподавание с активной исследовательской работой? Ведь оба вида деятельности требуют времени и сил. Где вы их находите?*

— В последние 20–25 лет я преподаю только те курсы, которые соответствуют тематике моих исследований. Поэтому я частенько использую возможности преподавания для проверки моих исследовательских наработок: понятны ли они, выдерживают ли критику? Иногда — как было с моей книгой о семье — обязанность преподавать данный курс в одном из университетов Барселоны заставила меня найти окончательную структуру книги. Необходимость преподавать делает ум острым, как я теперь могу судить.

— *Какие темы исследования вы считаете главными для себя? В чем состоят ваши важнейшие достижения, включая книги, опубликованные вами?*

— Выше я уже упоминал многие из моих публикаций. Как можно назвать одно детище, не сказав о других?! Для автора это всегда трудный выбор, и, в конечном счете, неизбежно субъективный. Но если сделать над собой усилие, то мне представляется, что меня будут помнить, прежде всего, за следующие работы:

1) «Идеология власти и власть идеологии» (1980) — эмпирически иллюстрированное препарирование механизмов и власти идеологии (эта книга до сих пор преподается в нескольких ведущих американских университетах).

2) «Почему некоторые народы безработны чаще, чем другие» (1986) — исследование кризиса 1980-х гг., на базе которого двадцать пять лет спустя была написана статья о безработице в Испании.

3) две статьи о подъеме демократии и избирательного права: первая объясняет, как случилось, что капитализмом сегодня управляют демократически (все крупные политики и мыслители до мировых войн считали это невозможным, поскольку от масс не ожидали уважения исключительной частной собственности); вторая — совершенно разные причины и пути к всеобщему избирательному праву во всем мире: «Власть капитала и подъем демократии», *New Left Review*, vol. 103 (1977); «Право голоса и четыре мировых пути к современности и через нее», в книге «State Theory and State History» (под ред. Р. Торстендала, 1992).

Назову еще несколько книг:

4) «Европейская современность и далее. Траектория европейских обществ, 1945–2000» (1995, новое французское издание — 2010);

5) «Между полом и властью. Семья в мире, 1900–2000» (2004) — благодаря этой книге я получил кафедру в Кембридже;

6) «Неравенства мира» (книга, которую я редактировал и к которой написал пространное введение, 2006);

7) «Мир. Путеводитель для новичка» (2011) — книга о социально-культурной «геологии» современного мира, движущих силах человеческой эволюции, глобальной арене и ее основных акторах, а также о разных паттернах жизненного цикла от рождения до похорон во всем мире.

Я также надеюсь, что будут помнить и мою новую книгу о городах власти (она только готовится к изданию). Общее представление об этой книге можно получить из ряда моих статей, из которых я назову две: «Монументальная Европа. Национальные годы. Об иконографии европейских столиц», *Housing Theory and Society* (No 1, 2002) и «Восточная драма. Восточноевропейские столицы в XX в.», *International Review of Sociology* (No 2, 2006 — специальный номер, посвященный восточноевропейским столицам, для которого меня пригласили написать вступительную статью и стать его редактором).

— *Позвольте узнать, что движет вами в проведении многочисленных исследований? Какова ваша главная мотивация как ученого?*

— Моя мотивация проста: найти что-то интересное и важное, а затем рассказать об этом миру. Иногда у меня есть продуманная исследовательская программа, как было с марксистской трилогией о науке, классовом господстве и идеологии, о социальной политике и политике на рынке труда и их результатах, о городах власти, неравенстве, европейских и глобальных исследованиях. Иногда исследование происходит из случайных обстоятельств (например, работа о европейской современности писалась изначально для тома по итальянской истории, а книга о семье — для австралийской программы исследования институтов).

Есть несколько линий постоянного интереса, красной нитью проходящих через более чем сорокалетнюю историю моих публикаций. Одна из них — критический анализ власти и государства, от определения значения понятия «правление правящего класса» и загадки капиталистической демократии до анализа неубывающей роли государства в современных исследованиях «глобализации» и «космополитизма». Другая линия — социальная экономика капитализма, начиная от моей первой диссертации 1972 г. и до статей 2011–2012 гг. о глобальных городах и современном финансовом кризисе. Помимо этого, со времен написания докторской диссертации по историческому развитию социальных наук вплоть до книги 2008 г. «От марксизма к постмарксизму?» меня

интересовали основания и «процессы жизнедеятельности» научного и интеллектуального знания. Начиная с книги «Идеология власти и власть идеологии», я также интересовался символическими формами и их социальными механизмами, развернутыми в работе о европейской современности, а также в моих урбанистических штудиях. В научном плане, как и в политическом, для меня всегда была очень важна глобальная перспектива — от антиколониализма детских лет вплоть до моей последней книги «Мир».

Замечу, что две из моих главных тем нынешнего столетия обнаружили себя достаточно поздно: это семья и города. Тема семьи первоначально возникла из коллективной исследовательской задачи поиска характерных черт скандинавской социальной политики и ее паттернов, в отличие от других стран. Нужно было найти что-то новое, что еще не было раскрыто в существующей литературе о государствах всеобщего благосостояния. В контексте Конвенции ООН о правах ребенка (1989) и Всемирной встречи на высшем уровне в интересах детей (1990), а также опираясь на мои знания о взаимодействии скандинавских стран в начале XX в. в вопросах семейного права, я выбрал тему прав ребенка. Именно из нее вышло затем широкое международное сравнительное исследование детства и патриархата «Политика детства. Права детей в современную эпоху» (статья в книге «Families of Nations: Patterns of Public Policy in Western Democracies» под ред. Ф. Кагельса, 1993).

Мой давний туристский интерес к городам также перерос в тему научного исследования во время семестра преподавания в Будапеште в 1996 г., где я наткнулся на захватывающую историческую монографию о Площади Героев в Будапеште и ее драматической истории в XX в.

— *Как вам удастся сочетать такие разные темы исследования, как семья, города и социальное неравенство, не говоря о других темах?*

— Сочетания могут происходить позднее. Различные темы возникают из любопытства. Быть хорошим ученым означает быть любознательным, добросовестным и уметь удивляться новому.

— *Пожалуйста, назовите международные исследования, участие в которых вызывает у вас наибольшее удовлетворение и научную гордость.*

— Я никогда не стремился быть ни менеджером в исследованиях, ни получать заказы, предпочитая роль независимого ремесленника. Однако я многому научился благодаря участию в проекте Питера Флора по западноевропейским государствам всеобщего благосостояния («Рост до пределов»*) и в сравнительных проектах о политике под общим руководством Фрэнка Каслса («Сравнительная история государственной

* Игра слов с названием известного доклада Римскому клубу «Пределы роста» 1972 г. — Л.Т.

политики», «Семьи народов»). Важные исследования были стимулированы в результате двух итальянских проектов — «История марксизма» (под ред. Э. Хобсбаума и др.) и «История Европы» (под ред. П. Андерсона и др.), в которых я был приглашен поучаствовать. Для меня было увлекательно руководить финансируемым Европейским Союзом проектом в 2000-х гг. о посткоммунистических столицах, где рассматривались Баку, Минск и Вильнюс (результатом которого стала наша коллективная монография).

— *Как бы вы оценили состояние современной социологии — на глобальном уровне, в Европе и в Швеции?*

— Начну с глобального уровня.

Первое десятилетие XXI в. не принесло «великой социологии», хотя хорошие работы постоянно появляются. Увы, ушли Бурдые и Тилли, не оставив достойных преемников. После трилогии Кастельса, написанной к началу нового тысячелетия, не появилось работ достаточного сравнимого масштаба и глубины. Великие темы нашей эпохи все еще ждут, когда ими займутся в полном объеме: это и посткоммунистическое восстановление капитализма, и глобальное перемещение силы из Северно-Атлантического в Западно-Тихоокеанский регион, и экономико-социальная поляризация мира (и Северной Атлантики в частности). Со времен открытия сетей и феминистско-квировских исследований лабиринтов сексуальности было совсем не много теоретических прорывов, хотя предпринимаются попытки всесторонне понять измерения и механизмы неравенства (см. вышеупомянутую работу 2006 г., а также S. Walby, «Globalization and Inequalities», 2009).

Есть значительные сдвиги в конкретных темах — например, о китайской трудовой миграции или о протестных движениях против повышения цен на жилье, об отношениях семьи-пола-гендера в Индии, об участии латиноамериканских женщин на рынке труда, об упадке традиционной африканской семейной системы в условиях урбанизации и т. д., — однако все эти наработки еще предстоит интегрировать в дисциплинарный корпус социологии.

Теперь о социологии в Европе. Как редактор журнала «Европейские общества», который издается Европейской социологической ассоциацией, я знаком со многими исследованиями, проводимыми в Европе. Европейская социология во многом стала зависимой от многочисленных всеевропейских опросов*. Применяемые регрессионные модели более замысловаты, чем в эпоху моей молодости, однако оригинальные

* Имеются в виду, вероятно, European Values Study, The International Social Survey Programme, European Social Survey и другие международные сравнительные опросы. — *Л.Т.*

исследовательские вопросы и способы анализа встречаются достаточно редко.

Возвращаясь к Швеции, должен признать, что мое понимание здесь ограничено. Количественно и качественно в ней все еще доминируют «исследования государства всеобщего благосостояния». Первоначально эта тематика была чем-то вроде социологического подспорья для правящих социал-демократов, и один сочувствующий критик как-то резюмировал, что падение социального благосостояния можно вычислить как квадрат расстояния от Стокгольма. Шведская социология государства всеобщего благосостояния является мировым лидером в этой области и сохраняет мировой уровень, хотя и несколько отделилась от насущных политических задач.

Другие темы, в которых сильны шведские социологи, — это исследования формальных организаций, экономических институтов и социальных сетей. Конечно, есть много интересных отдельных работ, например по аспектам современной немецкой культуры.

— *Какие социальные роли, по вашему мнению, должен играть социолог? Согласны ли вы в этом вопросе с мнением профессора М. Буравого, выделившего четыре такие роли?*

— Конечно, я знаком с концепцией четырех ролей социолога Майкла Буравого и считаю, что он проводит четкие различия между профессиональной, критической, политической и публичной социологией, особенно между внутриакадемической критической социологией и внешней публичной социологией. В то же время я думаю, что для (континентальных) европейских интеллектуалов, осознающих общественные ожидания (не всегда для них привлекательные), что социолог будет служить «голосом публики», подобное разделение внутридисциплинарных ролей может показаться несколько надуманным и непонятным.

— *Каково ваше впечатление от современной социологии в Центральной и Восточной Европе и от российской социологии? Можно ли ее сравнить с западной социологией? Каковы, на ваш взгляд, ее слабые и сильные стороны?*

— Из того, что я знаю о российской, польской, чешской и венгерской социологии, а также социологии в республиках Балтии, могу сказать, что у них нет никаких причин испытывать комплекс неполноценности перед западной социологией. Они, безусловно, могут выступать на равных с социологией в Западной Европе. Слабостью этой социологии можно назвать то большое значение, которое придается опросам общественного мнения, в ущерб анализу институтов, их внутреннего функционирования и изучению реального социального поведения людей в отношении институтов.

— *Какова ваша роль в проведении летних социологических школ в России и как участие в этих школах повлияло на вас?*

— Я получил незабываемый опыт от участия в летней школе на Карельском перешейке под Санкт-Петербургом в 2008 г., где я читал лекции о современности*. Для меня это был чрезвычайно интересный опыт благодаря возможности разговаривать с интересными аспирантами и докторантами со всей России и бывшего Советского Союза. Эта школа была очень хорошо организована Андреем Резаевым и его командой, они были очень гостеприимны.

— *Знаете ли вы лично кого-либо из известных российских социологов? Какие проекты российских социологов вам известны?*

— Я лично знаком со многими российскими социологами, например с Владимиром Ядовым, был знаком с Андреем Здравомысловым. Из молодых поколений я знаю Вадима Волкова, Никиту Покровского, Валерия Мансурова, Андрея Резаева, Елену Данилову, Александра Филиппова, Олега Хархордина, Елену Здравомыслову и других.

Что касается российских исследовательских проектов, то, увы, я не могу следить за их развитием лично. Когда-то в молодости, после окончания средней школы, я хотел учиться в армейской школе переводчиков (военная служба была тогда обязательной в Швеции, и я хотел изучать там русский язык), но по какой-то причине я не был туда зачислен. Несмотря на мои блестящие школьные оценки по языкам, в школу переводчиков меня так и не взяли. После всемирного политологического конгресса в 1979 г. в Москве я предпринял усиленную попытку выучить русский, но смог лишь расшифровать первую страницу газеты «Правда», которая в то время была не слишком увлекательной. Но я до сих пор надеюсь, что когда-нибудь смогу вернуться к изучению русского языка.

— *Каково ваше видение будущего российской (постсоветской) социологии?*

— Перед постсоветской и российской социологией стоит много задач мировой значимости, прежде всего — всесторонне проанализировать и понять, выходя за пределы идеологических клише времен «холодной войны», социальные достижения и фатальные провалы Советского Союза, а также динамику и последствия последующей реставрации капитализма. Рано или поздно на эту тему появятся грандиозные работы, которые поставят российскую социологию в центр мирового интереса.

— *Как бы вы оценили деятельность Международной социологической ассоциации в разные периоды ее существования?*

* Трехлетний семинар HESP «Modernity and the Futures of Capitalism in Eurasia: Scholarly Debates and Teaching Practices» (2008–2011) под руководством А.В. Резаева и А. Мартинелли.

— Международная социологическая ассоциация превратилась в большой профессиональный механизм, выполняющий множество действий и организующий множество мероприятий. В современную эпоху у нее было два выдающихся президента, которые делали организацию интеллектуально привлекательной и глобально задействованной: Иммануил Валлерстайн (1994—1998) и нынешний президент Майкл Буравой (2010—2014). Оба они — ученые мирового уровня, и оба вложили в Ассоциацию огромное количество идей и усилий. Как социальный институт МСА выживает при любом руководителе, однако отличный президент имеет большое значение.

— *Когда вы работали в Кембридже, чувствовали ли вы себя британским социологом? И вообще есть ли смысл разграничивать «национальные школы социологии» в современном мире?*

— В Кембридже я чувствовал себя, прежде всего, кембриджским ученым. Хотя национальные академические институты и традиции, конечно, не исчезли, и любая серьезная социология социальных наук должна их учитывать.

В разных странах доминируют разные стили социологического письма: различная важность придается философской аргументации и теории, различаются публики, для которых пишется текст (специалисты, интеллектуалы в широком понимании, государственные или частные грантодатели и т. д.). Различный вес придается дискуссии и обмену мнениями с коллегами, различаются также концепции валидного доказательства. Различаются общие интеллектуальные традиции, методологические предпочтения (количественные и качественные), как и распределение тематик исследований. Формирование (национальных) школ более характерно в иерархической и/или островной среде, чем в эгалитарном и мобильном сообществе. Вообще говоря, в большинстве стран, где сегодня существует социология, она настолько широка и разнообразна, что национальные школы стали редкостью. Внутри социологии, конечно, существуют такие свободно связанные между собой школы: например, сторонники теории рационального выбора, или последователи Пьера Бурдьё, или Мишеля Фуко, или радикальные феминисты, или представители мир-системного анализа, или сторонники теории модернизации и т. д.

— *Расскажите, чем вы заняты в настоящее время, каковы ваши исследовательские планы?*

— После формального ухода из Кембриджа я вернулся в мой старый родительский дом в сельской местности на юге Швеции. Транспортное сообщение там не идеальное, хотя есть местный аэропорт, связывающий со Стокгольмом, и поезд до Копенгагенского аэропорта. Весь прошедший год я провел в разъездах по всему миру: выступал с пленарными

докладами, читал лекции для магистрантов, участвовал в семинарах, представлял новые книги. Совсем мало времени оставалось для того, чтобы сесть и писать. Несмотря на это, в ближайшие пару лет я надеюсь закончить мое многолетнее детище «Города власти». Книга будет о том, как столичные города репрезентируют властные отношения в своей стране: в планировании, расположении зданий, архитектуре, монументальности, топонимике, размещении различных служб, а также роли столицы в национальной системе власти. Параллельно я работаю над другими проектами — небольшой книгой «Возвращение класса» и докладом о неравенстве для Международной социологической ассоциации.

После завершения вышеупомянутых проектов я надеюсь вернуться к теме, интересующей меня последние двадцать лет, — сравнительной глобальной истории современности. Иногда я также задумываюсь о том, чтобы написать социально-политическую историю современной Швеции в глобальном контексте — возможно, в сравнении с историей Чили, родной страной моей жены. Глобальная социология и глобальная социальная история стали моими основными интересами.

— *А какова, по-вашему, роль социологии в современном мире?*

— Современная социология, к сожалению, не играет сегодня той решающей роли, которую она должна играть в современном мире. Социология должна быть первой в анализе механизмов неравенства, противопоставляющего 1 % населения планеты остальным 99 %; должна изучать связь работы и поляризации доходов с моногамией и социальным расслоением детства; должна учиться понимать одновременный рост транснационального поведения и отношений, с одной стороны, и остающуюся решающей роль национальных государств — с другой. Даже в анализе нынешнего финансового кризиса, который почти никто из экономистов не сумел предвидеть, экономика остается главной из социальных наук, занимающихся этим вопросом (а ведь должна быть — социология).

— *Что вы можете посоветовать молодым социологам?*

— Читайте, путешествуйте и занимайтесь практикой исследований. Читайте не только социологическую литературу, но и работы из других социальных наук, особенно по политологии и экономике, по истории и социальной философии, а также великие художественные произведения со всего мира. Изучайте математику и статистику и не позволяйте никому одурачить вас или впечатлить одними лишь техническими выкладками. Путешествуйте по миру, учитесь за границей, в элитных европейских, американских или восточноазиатских университетах и на других континентах. Используйте возможность поработать в неакадемической сфере. Чем больше у вас накопится социального опыта, тем лучше это для вас как социологов.

— *И последний вопрос: ваш взгляд на отношения между Европейским Союзом и Россией (границы, визы, экономические отношения и пр.)?*

— Я полагаю, что визовый барьер между Россией и ЕС — это серьезное и достойное сожаления препятствие для приличных людей с обеих сторон. Я знаю, что основные препятствия в этом вопросе создает ЕС, и прекрасно понимаю, почему Россия хотела бы установить равные и симметричные отношения в вопросах перемещения. В то же время, если задуматься, одностороннее облегчение визового режима со стороны России пошло бы на пользу как европейцам, так и россиянам.

В Европейском Союзе еще живы многие отголоски «холодной войны» в отношении России, Беларуси и украинцев, которые не вымаливают членства в НАТО. Эти предрассудки мы воочию наблюдаем и в нынешнем сирийском кризисе, где одинокий голос разума, идущий из России, постоянно очерняется в европейских медиа. С другой стороны — как, без сомнения, знают российские интеллектуалы, — в современной капиталистической России варится тяжелая смесь из баронов-разбойников а-ля США конца XIX в., квазицаристской/ православной пышности и обскурантизма, а также насилия возрожденных черносотенцев. Все это не может радовать.

Мы все знаем что справедливость — это редкий вид в нашем мире, находящийся под угрозой исчезновения. Однако после всех страданий, перенесенных в XX в., российский народ заслуживает большего, чем то, что завещано Ельциным и его американскими советниками. В 2011 г. — *annus mirabilis* социальных движений — в России также началось какое-то оживление. Куда эти движения приведут Россию, и приведут ли куда-нибудь, — вопрос открытый.

В любом случае, если отставить в сторону гражданские страхи и заботы, во всем мире социологи, политологи, экономисты, историки с нетерпением ждут от российских социологов глубокого анализа происходящих в России событий, и по возможности — не только на русском языке.

— *Большое спасибо за интервью! И самые лучшие пожелания в реализации ваших планов.*

***Интервью проведено проф. Л.Г. Титаренко в августе 2012 г.
Перевод с английского Л.Г. Титаренко и А.А. Широкановой***